

DOI: 10.17976/jpps/2020.01.10

МЕРЦАЮЩИЙ СЕКУЛЯРИЗМ: РЕЛИГИЯ В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.С. Малахов, Д.Э. Летняков

МАЛАХОВ Владимир Сергеевич, доктор политических наук, директор Центра теоретической и прикладной политологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, email: vmalachov@yandex.ru; **ЛЕТНЯКОВ Денис Эдуардович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, email: letnyakov@mail.ru

Малахов В.С., Летняков Д.Э. Мерцающий секуляризм: религия в российском публичном пространстве. – Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 135-149. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.10>

Статья поступила в редакцию: 23.10.2018. Принята к публикации: 21.01.2019

Аннотация. В центре внимания авторов статьи находится тезис о десекуляризации российского государства. Сторонники данного тезиса утверждают, что в поведении российских властей просматривается отход от принципа секуляризма. Подвергая данный тезис критическому переосмыслению, авторы приходят к выводу, что он не выдерживает эмпирической проверки, и впечатление, будто российская власть разворачивается в противоположную от секуляризма сторону, иллюзорно. Наблюдатели становятся жертвой данной иллюзии по той причине, что не учитывают двух обстоятельств. Во-первых, рассогласования между публичной самопрезентацией власти (“символической политикой”) и ее практическими действиями (“инструментальной политикой”); во-вторых, разнонаправленного характера деятельности различных государственных институтов. На уровне символической политики власть в самом деле избегает четкой и бескомпромиссной демонстрации собственной светскости. Однако на уровне инструментальной политики отказа от секуляризма не происходит. Риторические упражнения, связанные с “православной” традицией или с традицией “многоконфессиональности”, не имеют значимых институциональных последствий.

Ключевые слова: десекуляризация, клерикализация, системное лицемерие, символическая политика, государство, церковь, религия, Россия.

Десять с лишним лет назад в российских медиа широко обсуждалось письмо академиков РАН президенту страны, в котором ставился вопрос о “клерикализации” российского общества и государства. Авторы высказывали озабоченность “проникновением церкви во все сферы общественной жизни”, перемежая факты, иллюстрирующие такое проникновение, с опасениями, что при развитии данной тенденции российское государство утратит светский характер¹. При определенной фокусировке взгляда трудно избавиться от впечатления, что опасность, о которой предупреждали ученые, реальна. Концерты поп-звезд, отменяемые по просьбе церковных деятелей, запреты на проведение развлекательных мероприятий на том основании, что они

¹ Открытое письмо десяти академиков РАН Президенту РФ В.В. Путину. – *Skeptik.net*. 24.07.2007. URL: <https://www.skeptik.net/religion/science/10academ.htm> (accessed 01.06.2019).

попадают на период Великого поста, школьники, которых без родительского согласия катехизируют во время экскурсии в православный монастырь, театральные постановки, снимаемые с репертуара по требованию возмущенной православной общественности, разгромы художественных выставок, после которых под следствие попадают не погромщики, а организаторы, наконец — уголовные дела по обвинению в оскорблении чувств верующих, заканчивающиеся реальным лишением свободы. Картина достаточно удручающая, глядя на нее в пору прийти к выводу, что Россия если еще не превратилась в подобие православного Ирана, то стремительно движется в этом направлении.

Тезис о “клерикализации России” нашел довольно широкую поддержку и в журналистской, и в академической среде [Викторова 2003; Кржевов 2012; Шнирельман 2017а; Шнирельман 2017b]. Тем не менее относительно его обоснованности есть серьезные сомнения. Забегая вперед, отметим, что сам термин “клерикализация” не совсем корректен для описания тех тенденций, которые имеют в виду адепты данного тезиса. То, о чем идет речь, более точно описывается понятием *десекуляризация*. Отсюда вопросы предлагаемой статьи. Действительно ли в российском обществе идет процесс инспирированной государством десекуляризации? Отказывается ли российское государство от своего секулярного характера? Если да, то какие институциональные изменения об этом свидетельствуют? Если нет, то откуда такое впечатление?

ТЕЗИС О КЛЕРИКАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Уместно начать с важного теоретического уточнения. Термин “клерикализация”, получивший широкое хождение в публичных дискуссиях последнего десятилетия², не совсем точен. Он представляет собой производное от “клерикализма”, определяемого авторитетным энциклопедическим изданием как “комплекс социально-теологических идей и связанных с ним политических практик, направленных на *установление религиозных ценностей в качестве основы жизни общества*” и на “создание условий, обеспечивающих *определяющую роль религиозных институтов в общественно-политической и культурной жизни государства*”³ (курсив наш — В.М. и Д.Л.).

Согласно другой солидной энциклопедии — словарю Брокгауза и Ефрона, “...клерикалы борются против отделения Церкви от государства, или там, где этот вопрос не стоит на очереди, против либерального законодательства в церковной области: именно против гражданского брака, против передачи ведения метрических книг из рук духовенства в руки светских властей”⁴.

² Текст заявления участников круглого стола “Клерикализация России — путь в новое варварство”. — *Атеистический сайт*. 26.03.2013. URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=2160> (accessed 27.04.2019); Крашенинников Ф. Министерство культа. — *The New Times*. 12.03.2018. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/151835> (accessed 27.04.2019); Солдатов А., Ребров Д. Клерикальная фантазмагория. — *Новая газета*. № 135. 02.12.2016. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/02/70751-klerikalnaya-fantasmagoriya> (accessed 27.04.2019); Pomerantsev P. Putin’s God Squad: the Orthodox Church and Russian Politics. — *Newsweek*. 09.10.2012. URL: <https://www.newsweek.com/putins-god-squad-orthodox-church-and-russian-politics-64649> (accessed 27.04.2019).

³ Иеромонах Серапион (Митько). Клерикализм. — *Большая Российская энциклопедия*. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2623941 (accessed 27.04.2019).

⁴ Примечательно, что авторы статьи в данном издании связывают проявления клерикализма исключительно с католическими странами; именно здесь — сначала во Франции после революции 1789 г., затем в Бельгии и в католических землях Германии — католическая церковь предпринимала попытки удержать или отыграть назад позиции, утраченные в результате секуляризации государства. Поскольку православная церковь в России, в отличие от католической церкви в Европе, исторически

Итак, клерикализация — это борьба церкви за усиление своих позиций в обществе, борьба, которую церковь ведет в том числе и с государством. Принципиально, что церковь здесь выступает в качестве автономного игрока. Однако применительно к постсоветской России о какой-либо автономии церкви как института говорить не приходится. Единственным актором, единственным субъектом принятия решений выступает государство. Пространство маневра церкви полностью определено рамками, заданными государством. У РПЦ нет ресурсов (даже если бы было желание) что-либо менять в сложившихся отношениях⁵.

Поэтому тенденция в российской жизни, которая вызывает беспокойство у демократически настроенной общественности, требует иного обозначения. Таким обозначением может послужить “десекуляризация”, что на уровне общества означает процесс, обратный секуляризации, а на уровне государства — его отказ от секуляризма, т.е. сращивание его собственных институтов с институтами церкви⁶. Происходит ли такой разворот на самом деле? Стремится ли современное российское государство установить религиозные ценности в качестве основы жизни общества? Ставит ли российское руководство — условный Кремль — перед собой задачу создать условия, обеспечивающие определяющую роль религиозных институтов в общественно-политической и культурной жизни государства? Поскольку сторонники тезиса о клерикализации, похоже, дают положительный ответ на оба этих вопроса, уместно разобрать, на основании каких теоретических допущений и эмпирических фактов они приходят к такому ответу.

В теоретическом плане следует провести одно принципиальное различие, которого отечественные антиклерикалы обычно не делают. Это различие между секуляризмом и секуляризацией. Секуляризм есть *политико-правовой принцип*, который заключается в отделении государства от религии и церкви [Casanova 2009] (впрочем, некоторые авторы предлагают более осторожную формулировку, и вместо отделения говорят о “принципиальной дистанции” государства по отношению к религии [Bhargava 2011: 105]). Секуляризация же есть *социальный процесс*, суть которого — в уменьшении значимости религиозных институтов в жизни общества в целом и в жизни отдельных людей⁷. Церковь перестает выступать и в качестве института, определяющего течение общественной жизни, и в качестве регулятора поведения индивидов — в том числе верующих (например, большинство практикующих католиков в наши дни не следуют рекомендациям церкви в таких вопросах, как применение противозачаточных средств или добрачные сексуальные отношения).

Конкретные формы и секуляризма, и секуляризации многообразны [Madeley 2003; Stepan 2011; Zrinščak 2011]. Если угодно, каждое государство

находилась в подчиненном положении по отношению к государству, авторы не сочли нужным говорить о клерикализме применительно к России. Цит. по: Шахов М.О. Клерикализация России не грозит. — *Независимая газета*. 19.02.2003. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-02-19/7_patriarhat.html (accessed 27.04.2019).

⁵ На это полтора десятилетия назад обратил внимание вдумчивый исследователь. См. Шахов М.О. Указ. соч.

⁶ Начало обсуждению темы десекуляризации в международном академическом сообществе было положено работами Питера Бергера [The Desecularization... 1999]. См. также: [Изобретение религии... 2015].

⁷ О многозначности терминов “секуляризация” и “секулярность” см. [Зверде 2012].

и каждое общество секулярны по-своему. *Многообразие секуляризованных обществ* обусловлено тем обстоятельством, что принцип отделения государства от церкви трактуется в зависимости от особенностей политической истории той или иной страны. Есть страны с “*государственной церковью*” (лютеранство в большинстве Скандинавских стран, англиканство в Англии и Уэльсе, католичество в Ирландии, православие в Греции); здесь с граждан обычно взимается церковный налог, священники, подобно чиновникам, могут получать жалованье от государства, а сама церковь соответствующей конфессии во многих отношениях привилегированна по сравнению с религиозными объединениями других конфессий — например, в доступе священнослужителей в школу, армейские казармы, тюрьмы и больницы. Есть страны, декларирующие (и в целом практикующие) *равноудаленность государства* от всех религиозных объединений — таковы США и Франция. В этих странах нет практики преподавания религии в публичных школах, относительно редки теологические факультеты в университетах⁸, нет особых прав у какой-либо религиозной организации — даже если эта организация глубоко связана с национальной историей. Наконец, есть страны, избравшие стратегию *равной поддержки* всех религиозных объединений (при условии их признания государством). В Бельгии, например, государство выступает как патрон для верующих шести конфессий: католичества, англиканства, лютеранства, православия, иудаизма и ислама. Очевидно, имеет смысл говорить и об особой модели секуляризма и секуляризации, характерной для коммунистических режимов, в которых борьба с религией была составной частью государственной политики [Froese 2004; Узланер 2010; Курилов 2018].

Многообразие секуляризаций также связано с историческими особенностями — с характером формирования национальных обществ. Если в одних странах общество достаточно давно отделилось от церкви, и число людей, считающих себя верующими, составляет менее половины или даже менее четверти населения (как, скажем, в Норвегии или Чехии), то в других, напротив, большинство заявляет о своей религиозности, а церковь остается влиятельным институтом (типичные примеры — США, Польша, Италия).

Секуляризованность общества, однако, не мешает удержанию того типа государственно-конфессиональных отношений, который сложился в той или иной стране исторически. Дания и Норвегия, например, не демонтируют институт государственной церкви, несмотря на стремительные темпы уменьшения числа прихожан, а США — несмотря на религиозную аффилиацию подавляющего большинства граждан (и зачастую демонстративную религиозность политических элит) строго придерживаются нейтралитета государства в религиозной сфере.

Кратко подытоживая сказанное, зафиксируем два момента. (1) Секуляризм как принцип указывает на отделение государства от церкви. Но что *означает* это отделение на практике — предмет интерпретаций, причем весьма расходящихся друг от друга. (2) Не существует корреляции между формами реализации принципа секуляризма и степенью секуляризованности общества. В Соединенных Штатах общество значительно менее секулярно, чем европейские, тогда как государство, напротив, более секулярно (оно строже

⁸ Во Франции исключением из правила является университет Страсбурга (традиция богословского образования в котором сложилась еще в период, когда Эльзас находился под германской юрисдикцией).

проводит принцип секуляризма, чем большинство европейских стран — за исключением Франции [Berger, Davie, Focas 2008]). Эти два момента важны для нас потому, что позволяют заключить: единственно верной “модели” секуляризма государства и секулярности общества не существует. Поэтому противопоставлять ситуацию в современной России некоей идеальной секулярной ситуации не имеет смысла.

ВЫДЕРЖИВАЕТ ЛИ КРИТИКУ АРГУМЕНТ ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ?

В ходе дальнейшей аргументации принципиальное значение имеет понятие *системное лицемерие*, предложенное в конце 1980-х годов Нильсом Брунсоном [Brunsson 1989; Brunsson 2007] (ср. Бурдые о “структурном лицемерии” [Бурдые 2017: 521]). Ход рассуждений шведского ученого таков. Всякая организация (государство в том числе), с одной стороны, заинтересована в эффективности собственной деятельности, а с другой стороны — нуждается в общественном признании этой деятельности. Иными словами, деятельность организации должна приносить ощутимые результаты, но получение результатов объективно ограничено — имеющимися ресурсами, институциональными рамками и т.д. В результате возникает противоречие между необходимостью получать результаты и поддержанием позитивного имиджа в глазах общественности. Есть два способа разрешить это противоречие. Первый: отделить самопрезентацию (“символическую политику”) от практической деятельности (“инструментальной политики”)⁹. Второй: позволить разным частям организации действовать разнонаправленно.

На наш взгляд, панические настроения по поводу отказа российского государства от секуляризма связаны именно с игнорированием феномена системного лицемерия. Эти настроения возникают, *во-первых*, из неразличения символических манипуляций чиновников и их практических действий. Или, формулируя иначе: публичной риторики и политических инсценировок, с одной стороны, и реального функционирования социальных институтов — с другой.

Демонстративные действия представителей власти (стояние в храмах под телекамеры, крещенские купания губернаторов и их подчиненных в проруби, присутствие представителей церкви на значимых мероприятиях федерального или регионального уровня, декларации “особого пути” России, обусловленного православной традицией и т.д.), все, что государство находит целесообразным в рамках символической политики, не следует смешивать с осуществляемой государством инструментальной политикой¹⁰. Вероятно, как раз такое смешение совершают авторы, полагающие, что “постепенно ‘светскость’ государства становится фантомом и заменяется религиозной консервативной моралью и иррациональной защитой идентичности” [Шнирельман 2017а: 229].

⁹ Надо заметить, что различие между символической и инструментальной (в другой терминологии “реальной”) политикой прочно утвердилось в академической литературе [March, Olsen 1989; Пощелуев 1999; Малинова 2010].

¹⁰ Мы не склонны к абсолютизации этого различия. По нашему мнению, российская исследовательница права, отмечая, что граница между символической и инструментальной политикой не является непроходимой [Малинова 2010: 91]. В избранном нами контексте, однако, важно не столько релятивизировать эту границу, сколько показать ее актуальность для функционирования текущего публичного порядка.

Во-вторых, алармизм по поводу антисекулярного поворота в политике государства вызван невниманием к такому обстоятельству, как разнонаправленность действий различных чиновников и различных органов власти. Если в определенном месте поведению госслужащих свойственно излишнее религиозное рвение, это не означает, что подобное поведение повсеместно. И тем более это не означает, что за этим стоит продуманная государственная стратегия.

Стоит признать, что многих, независимо от их отношения к религии и церкви, зачастую берет оторопь и от одиозных депутатских инициатив, и от публичных заявлений высоких чиновников, указывающих на то, что демократической России они явно предпочитают Россию православную. Тем не менее перед нами прежде всего политические инсценировки, символические манипуляции лиц, облеченных властью. Поэтому вместо того чтобы поддаваться алармизму, уместно спросить: имеют ли эти инсценировки правовые последствия? Конвертируются ли символические манипуляции в изменения социальных институтов?

Попробуем в этом разобраться.

АРГУМЕНТ ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Законодательство. Эмпирическим обоснованием аргумента в пользу десекуляризации российского государства могли бы послужить изменения законодательства.

В нижней палате российского парламента время от времени звучат предложения, мотивированные антисекулярными идеалами. Некоторые наблюдатели полагают, что в сложившейся ситуации можно говорить о “неофициальном доступе церкви к законотворчеству”, построенному на системе личных отношений между представителями РПЦ и российской политической элитой [Штекль 2018: 211]. Это звучит как явное преувеличение — хотя бы потому, что ни одна из таких инициатив не стала законом. Подобные законопроекты либо не принимаются Думой, либо вообще не доходят до обсуждения, поскольку блокируются на стадии выдвижения. Так произошло и с предложением включить в преамбулу Конституции положение о православии как основе “национальной и культурной самобытности страны” (2013 г.), и с законопроектом об ограничении аборт (выдвинут в 2011 г., дошел до слушаний в 2016 г., в ходе которых был отклонен), и с проектом ввести в школах “семьеведение” (2017 г.).

Единственный случай, который, казалось бы, свидетельствует о том, что риторика “православной цивилизации” может приобретать институциональные очертания, — это принятие в июне 2013 г. “закона о защите чувств верующих”¹¹. Однако это не совсем верно. Стоит напомнить, на каком общественно-политическом фоне принималась данная законодательная новелла и чем она, по сути, была мотивирована. В тот момент шел к завершению процесс по делу “Pussy Riot”, и государство нуждалось в юридическом инструменте, позволяющем переквалифицировать административное правонарушение в уголовное преступление. Власть защищала не церковь

¹¹ Его официальное название “О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан”.

и такую расплывчатую материю, как чувства верующих, а первое лицо государства, оказавшееся объектом “панк-молебна” (обратим внимание, сколь вяло власть ранее реагировала на весьма дерзкие акции Павла Павленского и группы “Война”). Участницы группы “Pussy Riot” пересекли красную линию, и за это должны были понести демонстративное наказание.

История применения упомянутого закона в последующие годы — применения в высшей степени избирательного — показала, что он нацелен скорее на дисциплинирование населения (в фукольдианском значении слова), чем на идеологическую индоктринацию и тем более на “институционализацию православия в России” [Кнорре 2014]. Если в действиях властей в вопросах, затрагивающих религию, прослеживается некая логика, то это логика секьюритизации, а не “десекуляризации”.

Государство защищает не столько ту или иную систему культурно-идеологических ценностей, сколько основы безопасности и стабильности, в том виде как оно их себе представляет. Проиллюстрируем это на следующем кейсе. Осенью 2017 г. правоохранители в Краснодаре возбудили уголовное дело против местного жителя; обвинялся он в оскорблении чувств атеистов. Поводом послужила публикация в соцсетях собственного стихотворения краснодарца, в котором сочинитель призывал к уничтожению неверующих. Лингвистическая экспертиза, к которой обратились следователи, подтвердила, что оскорбление атеистов действительно имело место, после чего адвокат обвиняемого обратился к А. Невзорову как к “главному атеисту страны” с просьбой дать оценку, оскорбляет ли лично его данное произведение. Невзоров сделал по радио публичное заявление, что не считает себя оскорбленным, адвокат представил распечатку радиоэфира в правоохранительные органы, и дело было прекращено¹².

Сколь бы анекдотично ни выглядел описанный эпизод, он свидетельствует о том, что законы для российских “силовиков” — скорее дубинка против потенциальных нарушителей спокойствия, чем нормативное предписание.

Социальные институты: образование. Пожалуй, наиболее сильный аргумент тех, кто пытается привлечь общественное внимание к якобы происходящему антисекьюлярному повороту государства, — это изменения в системе образования. Речь идет, в частности, о появлении священников в школе и о введении в школьную программу “религиозных предметов”. В исследовательской литературе эта тенденция обычно характеризуется как “клерикализация образования” [Растимешина 2012; Ильин 2012]. Некоторые авторы предлагают рассматривать ее как одну из составляющих процесса “десекуляризации сверху”, который осуществляется по инициативе “духовных и светских элит”, при отсутствии сколько-нибудь осязательного религиозного возрождения на низовом уровне [Lisovskaya, Karov 2010].

Между тем сам по себе допуск представителей религиозных организаций в систему образования не есть свидетельство утраты этой системой светского характера. В Баварии, например, уроки религии в младших классах общеобразовательной школы ведут католические монахи. Но так как у учеников есть выбор (от сведений о других конфессиях до уроков светской этики), на засилье церковников никто не жалуется.

¹² Невзоров: меня, как главного атеиста страны, не оскорбляет “Еретичка”. — *Фонтанка.ру*. 24.04.2018. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/04/24/068/> (accessed 27.04.2019).

Система образования не перестает быть светской и от того, что курс “Основы православной культуры” (ОПК) превратился из факультативного в обязательный¹³. Во-первых, речь идет не о религиозном, а о культурологическом предмете. ОПК – не Закон Божий¹⁴. Во-вторых, данный курс – один из шести модулей в рамках более широкого курса, который носит название “Основы религиозных культур и светской этики”. Закон предусматривает, что этот модуль выбирается родителями учеников. В числе других имеющихся опций: основы мировых религиозных культур, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры и основы светской этики. Так что с юридической точки зрения здесь нет отступления от Конституции. То, как обстоит дело на практике, – предмет отдельного разговора.

Представители власти ведут себя по-разному. Одни губернаторы и мэры демонстрируют рвение установить максимальный морально-идеологический контроль в школах своего региона или города, другие этим совсем не озабочены. Есть места, в которых принцип светскости в образовании действительно нарушается. Это, например, навязывание курса “Истоки”, дизайн которого уже не культурологический, а религиозный. Сообщается о фактически принудительном характере введения данного курса в Вологодской области¹⁵. Но в других местах подобного не происходит.

Кроме того, родителям учеников, сталкивающимся с подобным нарушением закона “Об образовании”, никто не мешает этому противодействовать – будь то в форме коллективного протеста, жалоб в надзорные органы Министерства образования или обращения в суд. И если такое противодействие отсутствует, это говорит не о всесии мистического государственного монстра, а о слабости гражданской самоорганизации и о неспособности отличить противоправные действия отдельных госслужащих от государственной политики.

Еще одно изменение в системе образования, давшее повод некоторым наблюдателям говорить о “проникновении религии во все сферы жизни общества” и даже о “теократических притязаниях” церкви [Тощенко 2009: 105], – это включение теологии в корпус научных дисциплин в 2015 г. Это создало юридическую базу для открытия соответствующих учебных подразделений в вузах. Опасен ли данный факт для высшего образования? Что изменится в преподавании на других факультетах от того, что в каком-либо вузе появится кафедра теологии или теологический факультет? Теологические факультеты есть во многих старейших университетах Европы, и вряд ли кто-то станет утверждать, что они выступают “рассадниками” обскурантизма. Так что чиновники Минобрнауки стремились, очевидно, сделать в России все “как в лучших домах”, а не вернуть страну “назад в Средневековье”. Другое дело, что в европейских вузах подобные образовательные структуры

¹³ С сентября 2012 г. данный курс является частью школьной программы (изучается в четвертом классе).

¹⁴ Некоторые правозащитники резко высказывались о курсе ОПК, отмечая, что на деле он носит не культурологический, а миссионерский характер. См., например: Правозащитники требуют запретить учебник “Основы православной культуры”. – *Curator.ru*. URL: http://www.curator.ru/news/news_70.html (accessed 27.04.2019). Подобная же реакция наблюдалась и со стороны части экспертного сообщества [Митрохин 2004; Шнирельман 2017b: 96, 101].

¹⁵ Сибирцева Е. Духовность на троечку. Школы без свободы совести и вероисповедания. – *Радио Свобода*. 11.04.2018. URL: <https://www.svoboda.org/a/29156354.html> (accessed 27.04.2019).

существуют с незапамятных времен, у нас же богословие никогда, даже при царском режиме, не было частью светского образования (оно преподавалось не в университетах, а в духовных академиях).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ПО ПОВОДУ СЕКУЛЯРНОСТИ ПУБЛИЧНОГО ПОЛЯ

За опасениями по поводу якобы происходящей десекуляризации скорее стоит смешение двух уровней активности: социальных практик (“общество”) и административных решений (“государство”). Далеко не все события, происходящие в общественно-политической жизни, каким-либо образом коррелируют с административно-политическими решениями — и тем более ими инспирированы. Практика освящения кораблей ВМФ и прочей военной техники, вероятно, сложилась не без участия государства, но к аналогичным действиям рядовых граждан (приглашающих священника окропить святой водой новый “Мерседес” или “снять порчу” с внедорожника) государство точно не причастно.

Более того, само допущение, будто все, что происходит в обществе, инициируется и направляется государством, несет на себе “советскую” печать. Оно пришло к нам из того времени, когда простые люди жили в условиях тотального (вернее, казавшегося тотальным) контроля, опиравшегося на централизованную идеологическую машину и централизованный репрессивный аппарат. Все это в прошлом. И если в обществе вдруг оказались столь популярны всевозможные целители, экстрасенсы и прочие адепты оккультного понимания мира, то случилось это вовсе не вследствие усилий государства, а в силу наличия низового запроса. Феномен, который одни называют “религиозным возрождением”, а другие — “торжеством обскурантизма”, возник не по велению бюрократии, а по хотению самих граждан.

Похоже, что сторонники тезиса о десекуляризации не рассматривают публичное поле как территорию борьбы. Живое общество — это общество, в котором постоянно оспариваются притязания на (идеологическое) доминирование. И если активисты, представляющие одну из сторон в этой диспозиции, добились более заметного присутствия в публичном поле, то это результат слабой активности их оппонентов.

Между тем при наличии достаточной решительности солидарные действия граждан могут приносить — и зачастую приносят — успех. Так, в декабре 2016 г. родители учеников московской школы № 2065, возмущенные навязыванием курса “Истоки”, обратились с жалобой в прокуратуру, после чего курс был отменен¹⁶. В Екатеринбурге горожане с 2010 г. успешно сопротивлялись попыткам строительства кафедрального собора на территории, выбранной властями без консультаций с местными жителями, и после очередного, самого резонансного раунда противостояния в мае 2019 г. можно говорить, что гражданскому обществу удалось отстоять собственную позицию. Было решено, что место для строительства храма будет выбрано путем общегородского опроса, а екатеринбургская епархия согласилась заранее исключить из списка возможных площадок сквер возле Театра драмы, ставший предметом конфликта. В Санкт-Петербурге в результате массовых протестов против

¹⁶ После жалоб родителей в московской школе убрали религиозный курс “Истоки”. — *Лента.ру*. 27.12.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/12/27/istoki/> (accessed 27.04.2019).

передачи Исаакиевского собора в безвозмездное пользование РПЦ процесс передачи был заморожен¹⁷.

Следует признать, что в борьбе секулярно и клерикально настроенных общественных групп государство далеко не всегда выступает как беспристрастный арбитр, а иногда и откровенно подыгрывает команде клерикалов¹⁸. Но, как мы уже отмечали, формой функционирования системного лицемерия является разнонаправленная деятельность разных частей организации, в нашем случае — чиновников различного уровня и различных ветвей власти. Мы напрасно пытаемся “читать сигналы” в каждом случае скандала на почве религии или религиозных чувств. Государство не является гомогенным актором. Оно состоит из множества акторов, каждый из которых действует сообразно своим представлениям о выгодах и издержках. Отсюда проистекает достаточно большой разноречивость в действиях чиновников разных ведомств (судейских, полицейских, представителей администрации губернаторов, мэрий и т.д.) в ситуации конфликтов, кодируемых как “религиозные”, или конфликты на почве религиозных чувств. В одних случаях на представителей секулярного лагеря обрушивается мощь репрессивной машины, в других власти соблюдают нейтралитет, оставаясь в рамках закона (но мы не всегда слышим об этих случаях — хотя бы потому, что они не представляют информационного повода для журналистов).

Каковы бы ни были симпатии и антипатии правоохранителей и других госслужащих, институциональная инерция берет свое. Погромщиков берут под арест — иногда административный, как в случае с Д. Цорионовым¹⁹, а иногда и с последующим возбуждением уголовного дела — как в случае с радикалами, заявившими о себе в период скандала вокруг фильма “Матильда”.

МЕРЦАЮЩИЙ СЕКУЛЯРИЗМ: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С РЕЛИГИЕЙ

Итак, поведение власти в вопросах, затрагивающих религию, поддается описанию в терминах “системного лицемерия”. Стоит подчеркнуть, что данный феномен носит не субъективно-психологический, а объективно-структурный характер. “Лицемерие” здесь непреднамеренное. Оно возникает не из воли отдельных лиц, а из логики функционирования системы отношений. Характерно, как реагирует российский политический мейнстрим на действия тех включенных в него лиц, которые стремятся устранить зазор между публичной самопрезентацией органов власти и их реальными практиками. Он от этих лиц дистанцируется. Тех членов российского правящего класса, которые не понимают, что от “слов” не нужно переходить к “делам” (и что риторика православной страны не предполагает приведения публичных институтов в соответствие с религиозно фундированными нормами), рано или поздно ставят на место. Яркая тому иллюстрация — реакция политического мейн-

¹⁷ Голубева А. Власти отложили передачу Исаакиевского собора РПЦ. — *Русская служба BBC*. 13.12.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42185710> (accessed 27.04.2019).

¹⁸ Например, правоохранительные органы неоднократно закрывали глаза на случаи применения православными активистами насилия в отношении своих оппонентов в ходе конфликтов, связанных со строительством православных храмов в разных районах Москвы. Наиболее резонансной была история вокруг парка “Торфянка”.

¹⁹ Дмитрий Цорионов (известный также под псевдонимом “Энтео”) — православный активист, прославившийся рядом скандальных акций (наиболее резонансная — разгром в 2015 г. выставки скульптора В. Сидура в Манеже).

стрима на активность Н. Поклонской по поводу фильма “Матильда”²⁰. За несколько лет до этой истории имел место характерный эпизод с Е. Мизулиной: почти сразу после ее предложения о закреплении в Конституции особой роли православия в жизни страны прозвучало заявление главы правительства, дезавуировавшее это предложение. Премьер-министр в телеинтервью высказался против этой идеи, напомнив, что в российской Конституции записан другой важный принцип — принцип свободы совести²¹.

Что касается сдвигов в символической политике, то процесс, который мы наблюдаем в последние полтора десятилетия, — это не поворот в сторону церкви как института, а поворот в сторону национальной традиции. Поскольку нация понимается как полиэтническая²², символы православия сосуществуют с символами ислама и других “традиционных религий”. *Апелляция к православию (и даже периодическое подчеркивание его особой роли в истории страны) нужна не для того, чтобы перестроить социальные институты в соответствии с нормативными представлениями Русской православной церкви, а для того, чтобы заявить “городу и миру” о культурно-цивилизационной специфике России.* В той же мере, в какой эта специфика связывается с историческим культурным разнообразием (включая конфессиональное), в системе властной саморепрезентации активно задействуются и представители иных религиозных организаций — мусульманских, буддийских, иудейских²³.

Таким образом, смещение в официальной риторике заключается не в антисекуляризме, а в своеобразном неотрадиционализме. Причем прибегают к этому идеологическому конструкту достаточно дозированно, в зависимости от внутри- и внешнеполитической целесообразности. Выпуклое проявление такой стратегии — официальная российская реакция на события вокруг “Шарли Эбдо” в январе 2015 г. С одной стороны, Кремль демонстрировал солидарность с жертвами трагедии, делегировав в Париж главу МИД. Сергей Лавров участвовал в грандиозном парижском шествии вместе с европейскими лидерами. С другой стороны, в России (правда, не в Москве, а в Грозном) прошел многотысячный (по данным организаторов, собравший около миллиона человек) митинг с совершенно иной повесткой²⁴. Целью мероприятия было продемонстрировать решимость в противостоянии тем, кто оскорбляет пророка Мухаммада и тем самым — религиозные чувства мусульман. Хотя участники митинга, конечно, не высказывались в поддержку напавших на французских сатириков, но в их речах недвусмысленно прозвучало, что жур-

²⁰ Однопартийцы-единороссы отмежевались от одиозного депутата, то же самое публично сделали пресс-секретарь президента и министр культуры.

²¹ Медведев отказался от православия в Конституции РФ. — *Лента.ру*. 06.12.2013. URL: <https://lenta.ru/news/2013/12/06/religion/> (accessed 27.04.2019).

²² В официальной риторике выражения “российский народ” (“многонациональный российский народ”) и “российская нация” взаимозаменяемы.

²³ В эпоху В. Путина власть ведет себя даже аккуратнее с точки зрения соблюдения символического “межконфессионального баланса”, чем при Б. Ельцине. Так, если на церемонии инаугурации последнего единственным духовным лицом, присутствовавшим там, был патриарх Московский и всея Руси, то на инаугурациях В. Путина (и Д. Медведева) присутствовали главы четырех религиозных объединений, относимых государством к “традиционным”.

²⁴ Не “Шарли”: митинг в Грозном собрал более миллиона человек. — *Actualcomment.ru*. 19.01.2015. URL: <http://actualcomment.ru/ne-sharli-bolee-milliona-chelovek-prinyali-uchastie-v-mitinge-v-groznom.html> (accessed 01.06.2019).

налисты сами виноваты в случившемся. Совершенно очевидно, что сигналы, которые посылали мировой общественности парижская и грозненская акции, были диаметрально противоположны. Первая делала упор на безусловном приоритете норм секуляризма, согласно которым все вопросы, относящиеся к религиозным верованиям, вынесены в частную сферу. Вторая акцентировала безусловную неприкосновенность религиозных чувств верующих, тем самым ставя защиту последних выше свободы слова. Учитывая, с какой симпатией митинг в Грозном освещался центральным российским телевидением, нельзя не видеть определенного послания Москвы Западу. Грозненское мероприятие намекало на то, что Россия придерживается несколько иной системы нормативных координат, чем Запад. Дискурсу прав человека был противопоставлен дискурс “традиционных ценностей”.

В режиме такого противопоставления (с референциями к православию или без оных) выдержаны многочисленные высказывания высоких российских чиновников о пропасти, отделяющей порвавший с собственным прошлым секулярный западный мир от построенного на уважении к старине русского мира. Подобные высказывания стали едва ли не рутинной официальной риторикой после событий на киевском Майдане. Тогда С. Лавров заявил, что Запад и Россия все больше отдаляются друг от друга из-за глубоких различий в ценностях: если западное общество “все больше отрывается от своих собственных христианских корней”, то “новая Россия возвращается к своим традиционным ценностям, коренящимся в православии”²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

146

Как мы попытались показать, термин “клерикализация” слишком неточен для того, чтобы адекватно описать изменения в текущей конструкции российского публичного порядка. Клерикализация — это попытки перераспределения власти (социальной, политической, символической) в пользу института церкви, захват этим институтом доминирующих позиций не только в религиозном поле, но и в других полях (бюрократическом и культурном). Ничего подобного в современной России не происходит. Церковь не выступает в качестве автономного игрока, она подчинена государству. И все, что выглядит как ее “вторжение” на не принадлежащие ей поля, есть не более чем манипуляции государства, которое по тем или иным причинам решает совершить действие, выглядящее как проявление политической субъектности церкви. Представители РПЦ — послушный инструмент в руках государства. Последнее суверенно определяет, сколько светскости и сколько “духовности” будет в школе, в университете, в театре или в кино. И духовности совсем не обязательно “православной”. В ряде регионов в качестве инструмента духовно-нравственного попечения о населении выступают ислам и буддизм, а точнее — официальное духовенство соответствующих конфессий.

Таким образом, *характеристикой текущего публичного порядка является не усиление позиций религиозных организаций в политическом поле и тем более не их вмешательство в дела государства, а использование государством этих организаций.*

Главный вопрос, который был поставлен в данной статье: происходит ли антисекулярный поворот российского государства, т.е. отказ последнего от

²⁵ Запад отдаляется от России из-за ее возврата к православию, считает Лавров. — *Интерфакс. Религия*. 05.06.2014. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=55525> (accessed 27.04.2019).

принципов светскости? Наш ответ таков: на уровне институтов – определенно нет. На уровне публичной риторики – скорее да, хотя и с рядом оговорок. Государство периодически переключает дискурсивный режим, то декларируя приверженность демократическим (по определению секулярным) ценностям, то, напротив, делая акцент на нормативной недостаточности, моральной ущербности секуляризма в его “западной” версии.

Впечатление поворота власти в противоположную от секуляризма сторону происходит из игнорирования феномена системного лицемерия. Ряд наблюдателей принимают самопрезентацию власти за ее реальное поведение, а также упускают из вида рассогласование в работе органов власти. Государство в результате предстает как гомогенный актор, каким оно в действительности не является.

DOI: [10.17976/jpps/2020.01.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.10)

SHIMMERING SECULARISM: RELIGION IN RUSSIAN PUBLIC SPACE

V.S. Malakhov¹, D.E. Letnyakov¹

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia*

MALAKHOV, Vladimir Sergeevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Director of the Centre for Political Theory and Applied Political Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, email: vmalakhov@yandex.ru; LETNYAKOV, Denis Eduardovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Researcher at the Centre for Political Theory and Applied Political Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, email: letnyakov@mail.ru

Malakhov V.S., Letnyakov D.E. Shimmering Secularism: Religion in Russian Public Space. – Polis. Political Studies. 2020. No. 1. P. 135-149. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.10>

Received: 23.10.2018. Accepted: 21.01.2019

Abstract. Those who express concern about “deseccularization” of the Russian state seem to ignore the phenomenon of systemic hypocrisy, characteristic for the activity of organizations in general and of authorities in particular. The issue is, first, that there is an unavoidable gap between the public self-presentation of the organization (“symbolic politics”) and its practical actions (“real politics”). Second, systemic hypocrisy manifests itself in the fact that separate parts of the organization (in our context – various state institutions) act in different directions. At the level of public self-presentation the Russian state, in fact, avoids a clear positioning with regard to its own secularity. Two discursive regimes coexist in official rhetoric: on the one hand, the state proclaims its commitment to secularism, on the other hand, it distances itself from “Western” secularism. The state periodically calls into play one discursive regime, turning off the second, and vice versa. However, these manipulations do not have institutional consequences.

Keywords: deseccularization, clericalization, systemic hypocrisy, symbolic politics, state, church, religion, Russia.

References

- Berger P., Davie G., Fokas E. 2008. *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations*. Ashgate Publishing, Ltd.
- Bhargava R. 2011. Rehabilitating Secularism. – *Rethinking Secularism*. Ed. by C. Calhoun, M. Juergensmeyer, J. VanAntwerpen. Oxford – New York: Oxford University Press. P. 92-113. <https://doi.org/10.1017/s1537592712003246>
- Brunsson N. 1989. *The Organization of Hypocrisy: Talk, Decisions and Actions in Organizations*. Chichester: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1177/017084069201300211>
- Brunsson N. 2007. *The Consequences of Decision-Making*. Oxford – New York: Oxford University Press.
- Casanova J. 2009. The Secular and Secularisms. – *Social Research*. Vol. 76. No. 4. P. 1049-1066.
- Froese P. 2004. Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheist Monopoly Failed. – *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 43. No. 1. P. 35-50. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2004.00216.x>

Lisovskaya E., Karpov V. 2010. Orthodoxy, Islam, and the Desecularization of Russia's State Schools. — *Politics and Religion*. No. 3. P. 276-302. <https://doi.org/10.1017/s1755048310000040>

Madeley J.A. 2003. Framework for the Comparative Analysis of Church-State Relations in Europe. — *West European Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 23-50. <https://doi.org/10.1080/01402380412331300187>

March J.G., Olsen J.P. 1989. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. New York: Free Press.

Stepan A. 2011. The Multiple Secularisms of Modern Democratic and Non-Democratic Regimes. — *Rethinking Secularism*. Ed. by C. Calhoun, M. Juergensmeyer, J. VanAntwerpen. Oxford — New York: Oxford University Press. P. 114-144. <https://doi.org/10.1017/s1537592712003246>

The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. 1999. Ed. by Peter L. Berger. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Co.

Zrīnšćak S. 2011. Church, State and Society in Post-Communist Europe. — *Religion and the State. A Comparative Sociology*. Ed. by J. Barbalet, A. Possamai, B.S. Turner. London — New York — Delhi: Anthem Press. P. 157-182. <https://doi.org/10.7135/upo9780857288073.008>

Bourdieu P. 2017. Sur l'État : Cours au Collège de France (1989-1992). (Russ. ed.: Bourdieu P. *O gosudarstve. Kurs lektzii v kollezh de Frans (1989-1992)*. Moscow: Delo).

Il'in G.L. 2012. About Clericalization of Russian Education. — *Science and School*. No. 5. P. 190-193. (In Russ.)

Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste [Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context]. 2015. Ed. by Zh.V. Kormina, A.A. Panchenko, S.A. Shtyrkov. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Karpov V. 2012. The Conceptual Foundations of the Desecularization Theory. — *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 30. No. 2. (In Russ.)

Knorre B. 2014. Rossiiskoe pravoslavie. Postsekulyarnaya institutsionalizatsiya v prostranstve vlasti, politiki i prava [Russian Orthodoxy. Post-Secular Institutionalization in the Realm of Power, Politics, and the Law]. — *Montazh i demontazh sekulyarnogo mira* [Constructing and Deconstructing the Secular World]. Ed. by A. Malashenko, S. Filatov. Moscow: ROSSPEN Publ. P. 42-102. (In Russ.)

Krzhevov V.S. 2012. Religion in Contemporary Russia: the Spiritual Revival or Clericalization of Society. — *Russian Journal of Philosophical Sciences*. No.10. P. 93-105. (In Russ.)

Kurilov V.A. 2018. *Sovetskaya model' sekulyarizatsii: politicheskoe i pravovoe regulirovanie svobody sovesti v SSSR (vtoraya polovina XX veka): religiovedcheskii analiz* [The Soviet Model of Secularization: Political and Legal Regulation of the Freedom of Conscience in the USSR (Second Half of the 20th Century): Through the Lens of Religious Studies. Synopsis of PhD thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)

Malinova O.Yu. 2010. Symbolic Politics and the Constructing of Macro-Political Identity in Post-Soviet Russia. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 90-105. (In Russ.) URL: <https://www.politstudies.ru/article/4261> (accessed 24.11.2019).

Mitrokhin N. 2004. *Klerikalizatsiya obrazovaniya i reaktsiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Clericalization of Education and the Reaction of Contemporary Russian Society]. Moscow: Sova. (In Russ.) URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/secularism-limits/2004/10/d2840/> (accessed 24.11.2019).

Potseluev S.P. 1999. Symbolical Politics: A Constellation of Concepts for an Approach to the Problem. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 62-75. (In Russ.)

Rastimeshina T.V. 2012. Clericalization of Secondary Education: a Humanistic and Political Dimension. — *Bulletin of the Moscow State Academy of Business Administration*. Vol. 15. No. 3. P. 173-180. (In Russ.)

Shnirel'man V.A. 2017a. Pravoslavnye fundamentalisty Rossii v epokhu "kul'turnykh voyn" [Orthodox Fundamentalists of Russia in the Era of "Cultural Wars"]. — *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Ed. by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAN Publ. P. 200-229. (In Russ.)

Shnirel'man V. 2017b. Religious Culture or Invitation to Religion: What Are the New Textbooks About? — *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 35. No. 4. P. 89-118. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-89-118>

Stoeckl K. 2018. Three Models of Church-State Relations in Contemporary Russia. — *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 36. No. 3. P. 195-223. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-195-223>

Toshchenko Zh.T. 2009. Teokratiya, klerikalizm, svetskost' [Theocracy, Clericalism, Secularism]. — *Vera. Etnos. Natsiya. Religioznyi komponent etnicheskogo soznaniya* [Belief. Ethnos. Nation. The Religious

Component of Ethnic Consciousness]. Ed. by M.P. Mchedlov. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. P. 84-110. (In Russ.)

Uzlaner D. 2010. Soviet Model of Secularization. — *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 62-69. (In Russ.)

Viktorova A. 2003. Vremya podvodit' itogi [Time to Sum Up]. — *Predely svetskosti: obshchestvennaya diskussiya o printsipe svetskosti gosudarstva i putyakh realizatsii svobody sovesti* [Limits of Secularism: Public Discussion on the Principle of Secularism of the State and Ways of Realization of Freedom of Conscience]. Ed. by A. Verkhovskii. Moscow: Sova. P. 211-226. (In Russ.)

Zveerde van der E. 2012. Understanding "the Secular". — *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 30. No 2. P. 82-91. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бурдые П. 2017. *О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992)*. М.: Дело.

Викторова А. 2003. Время подводить итоги. — *Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и путях реализации свободы совести*. Сост. А. Верховский. М.: Центр "Сова". С. 211-226.

Зверде ван дер Э. 2012. Осмысливая "секулярность". — *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. Т. 30. № 2. С. 82-91.

Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. 2015. Науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Ильин Г.Л. 2012. О клерикализации российского образования. — *Наука и школа*. № 5. С. 190-193.

Карпов В. 2012. Концептуальные основы теории десекуляризации. — *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. Т. 30. № 2. С. 114-164.

Кнорре Б. 2014. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права. — *Монтаж и демонтаж секулярного мира*. Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН. С. 42-102.

Кржевов В.С. 2012. Религия в современной России: духовное возрождение или клерикализация общества? — *Философские науки*. № 10. С. 93-105.

Курилов В.А. 2018. *Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века): религиоведческий анализ*. Автореферат диссертации к. филос. наук. Санкт-Петербург.

Малинова О.Ю. 2010. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 90-105. URL: <https://www.politstudies.ru/article/4261> (accessed 24.11.2019).

Митрохин Н. 2004. Клерикализация образования и реакция современного российского общества. — *Информационно-аналитический центр "Сова"*. 29.10. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/secularism-limits/2004/10/d2840/> (accesses 27.04.2019).

Поцелуев С.П. 1999. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 62-75.

Растимешина Т.В. 2012. Клерикализация среднего образования: гуманистическое и политическое измерение. — *Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки*. № 3. С. 173-180.

Тошенко Ж.Т. 2009. Теократия, клерикализм, светскость. — *Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания*. Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Культурная революция. С. 84-110.

Узланер Д. 2010. Советская модель секуляризации. — *Социологические исследования*. № 6. С. 62-69.

Шнирельман В.А. 2017а. Православные фундаменталисты России в эпоху "культурных войн". — *Этническое и религиозное многообразие России*. Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН. С. 200-229.

Шнирельман В. 2017б. Религиозная культура или приглашение в религию — чему учат новые учебники? — *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. № 4. С. 89-118. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-89-118>

Штекль К. 2018. Три модели государственно-церковных отношений в современной России. — *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 3. С. 195-223. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-195-223>